...ьковское Общество Сельскаго Хозяйства.

А. КАУФМАНЪ.

Аграрный вопросъ и переселеніе.

ИЗД. „АГРОНОМИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА".

Типографія „Ренессансъ", Ключковская 31.
ХАРЬКОВЪ.—1918.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ подписка на 1918 г.,

на научно-общественный ежемѣсячный органъ,

посвященный вопросамъ аграрной политики, общественной агрономіи и экономики сельскаго хозяйства,

„АГРОНОМИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ“

(изданіе Харьковскаго О-ва Сельскаго Хозяйства).

ПРОГРАММА:

1. Аграрная политика.
2. Землеустройство.
3. Общественная агрономія.
4. Сел.-хоз. кооперація.
5. Органы аграрной политики.
6. Сел.-хоз. экономія и организація мелкаго хозяйства.
7. Опытное дѣло.
8. Изученіе сельскаго хоз. и его отраслей.
9. Дѣятельность мѣстныхъ самоуправленій.
10. Мѣстная общественная жизнь и агрономическія организаціи.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

В. И. Анисимовъ, проф. А. Н. Анцыферовъ, К. С. Ашинъ, В. Э. Брунстъ, Б. Д. Бруцкусъ, М. М. Вольфъ, И. И. Дамбергъ, А. Григоровскій, И. И. Григорьевъ, И. А. Гриненко (Италія), А. А. Ездокимовъ, А. Б. Ельяшевичъ (Англія), И. В. Емельяновъ, Б. К. Енкенъ, Проф. М. Ф. Ивановъ, Проф. А. Кауфманъ, Н. М. Катаевъ, А. Е. Кулыжный, А. Ф. Лебедевъ, В. Майскій, К. Г. Мануйловскій, П. П. Масловъ, К. А. Мацѣевичъ, Н. П. Макаровъ, Н. П. Огановскій, Д. Н. Пискуновъ, В. Н. Рожественскій, І. Б. Розенъ (С. Америка), А. Л. Рыбниковъ, М. А. Савченко-Бѣльскій, проф. М. Н. Соболевъ, Л. П. Сокальскій, Ю. Ю. Соколовскій, Б. Н. Усовскій, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, А. В. Чаяновъ, А. Н. Челинцевъ, И. Г. Черпинъ, И. В. Якушкинъ, А. И. Ярошевичъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 18 р. въ годъ. Отдѣльный номеръ—3 р. 50 к.

Адресъ редакціи и конторы:

Харьковъ, Московская, 10. Телефонъ № 28 21.

„Пров 38“

...ской
АКАДЕМИИ
1736
29

Аграрный вопросъ и переселеніе.

Заглавіе этого очерка—почти дословное воспроизведеніе заглавія доклада, съ которымъ я выступилъ 12 лѣтъ тому назадъ на „совѣщаніи по аграрнымъ вопросамъ“, и который затѣмъ былъ напечатанъ въ извѣстномъ сборникѣ „Аграрный вопросъ“ (изд. И. И. Петрункевича и кн. П. Д. Долгорукова) и это—не случайность, не результатъ неумѣнья или нежеланія придумать какое нибудь болѣе новое заглавіе. Почти полное тождество заглавія соотвѣтствуетъ почти полному или даже, можетъ, и совсѣмъ полному тождеству въ самой постановкѣ вопроса.

Дѣло въ томъ, что переселенческій вопросъ или переселенческая проблема имѣетъ свой опредѣленный fatum: онъ всплываетъ на поверхность каждый разъ, когда наступаетъ, или, когда хотя бы только предвидится, обостреніе аграрнаго вопроса въ широкомъ смыслѣ этого слова. Самодержавное правительство выдвигало переселеніе, какъ противовѣсъ, или какъ одинъ изъ противовѣсовъ, поползновеніямъ самого крестьянства и тенденціямъ прогрессивной общественной мысли, направленнымъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія за счетъ владѣнія крупно-помѣстнаго, въ переселеніи за Уралъ оно видѣло одно изъ средствъ отвлечь вниманіе крестьянскихъ массъ отъ помѣщичьихъ земель, а въ то же время—оттянуть изъ мѣстностей съ особенно обострившимися аграрными отношеніями хотя бы часть наиболѣе безпокойныхъ элементовъ. Въ самомъ дѣлѣ: первые же аграрные безпорядки 1902 года, бывшіе прологомъ къ первой русской революціи, выдвинули переселеніе, до тѣхъ поръ разсматривавшееся почти исключительно подъ узкимъ угломъ зрѣнія интересовъ

3А

Сибирской желѣзной дороги, въ число вопросовъ общаго государственнаго значенія и послужили поводомъ къ изданію переселенческаго закона 6 іюня 1904 года, въ основѣ котораго лежала мысль объ „улучшеніи, при помощи переселенія, условій землепользованія и хозяйства крестьянскаго населенія внутреннихъ губерній". А когда революція разыгралась, и началась реакція, однимъ изъ первыхъ ея проявленій—одною изъ первыхъ мѣръ, выдвинутыхъ горемыкинскимъ кабинетомъ взамѣнъ похороненнаго „кутлеровскаго" проекта въ выработкѣ котораго пишущему эти строки довелось принять ближайшее участіе, былъ указъ 10 марта 1906 года, устранившій всѣ стѣснительныя для переселенія постановленія закона 1904 года и предоставлявшій „всѣмъ крестьянскимъ обществамъ и отдѣльнымъ семьямъ" право посылки ходоковъ и переселенія на зачисленныя ими земли; переселеніе было провозглашено „наилучшимъ исходомъ изъ тяжелаго экономическаго положенія" крестьянства, и расширеніе переселенія было объявлено „одною изъ важнѣйшихъ задачъ" главнаго управленія землеустройства и земледѣлія.

Самодержавное правительство не пережило первыхъ-же часовъ теперешней, второй революціи. Но уже одно только предвидѣніе тѣхъ народныхъ движеній, которыя, несомнѣнно, возникли-бы по окончаніи войны, нашло себѣ выраженіе въ такихъ оффиціальныхъ заявленіяхъ по адресу переселенія, въ которыхъ нельзя было не видѣть предвѣстниковъ новой переселенческой авантюры, - новой политики оттянуть вниманіе народныхъ массъ отъ начинавшихъ возрождаться мечтаній о помѣщичьей землѣ. Силою вещей—заявляетъ переселенческое вѣдомство въ своихъ соображеніяхъ по поводу смѣты на 1917 годъ,—*для всякаго желающаго* производительно использовать свои силы на большемъ земельномъ просторѣ, должна бы существовать полная доступность полученія устройства въ земляхъ Зауралья"; вѣдомство убѣждено, что колонизаціонныя мѣропріятія „должны открыть государству возможность полученія столь значительныхъ новыхъ цѣнностей, что современные расходы на колонизацію представляются болѣе чѣмъ скромными". Въ частности, расходы эти признаются вѣдомствомъ „совершенно необходимыми" именно въ настоящее военное время, не только „какъ могучее средство обезпеченія жизнеспособности и организаціонной крѣпости нашего глубокаго тыла,

гдѣ послѣ войны долженъ будетъ найти себѣ мѣсто небывалый подъемъ производительныхъ силъ", но и *какъ извѣстный политическій факторъ:* ибо—полагаетъ вѣдомство (думаю поскольку рѣчь идетъ о переселеніи, то совершенно напрасно)—ничто такъ не можетъ внести спокойную увѣренность и твердость въ сердца русскихъ воиновъ, какъ сознаніе заботы отечества отъ оставленныхъ ими хозяйствахъ и семьяхъ и объ ихъ будущемъ земельномъ устройствѣ". И именно этимъ взглядомъ на переселеніе, какъ на „извѣстный политическій факторъ", долженствующій внести „спокойную увѣренность" въ сердца солдатъ на фронтѣ, очевидно, объясняется возникновеніе той, достаточно-таки дикой, мысли объ отводѣ особыхъ земельныхъ площадей для надѣленія отличившихся на войнѣ солдатъ, о которой мнѣ придется еще говорить въ дальнѣйшемъ.

Еще разъ, значитъ: въ аграрной политикѣ самодержавнаго правительства переселеніе выступаетъ, *какъ противовѣсъ* крестьянскимъ мечтамъ и интеллигентскимъ проектамъ земельной реформы, связанной съ расширеніемъ крестьянскаго землевладѣнія за счетъ земель помѣстнаго класса. И, въ то же время, переселеніе привходитъ *существеннымъ*, какъ многіе думаютъ, *элементомъ*, во всякій широко задуманный планъ аграрной реформы. „Никакой аграрный и соціальный строй—писалъ еще кн. А. И. Васильчиковъ въ 70-хъ г. г. прошлаго столѣтія, не можетъ быть признанъ совершеннымъ, полнымъ и прочнымъ, если онъ не дополняется правильною системою колонизаціи". И въ соотвѣтствіи съ этимъ, вопросъ о возможной роли переселенія былъ въ 1905 году однимъ изъ вопросовъ, возбудившихъ особый интересъ на томъ аграрномъ совѣщаніи, гдѣ впервые былъ гласно формулированъ принципъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. И сейчасъ, когда широкая аграрная реформа болѣе чѣмъ когда либо имѣетъ шансы изъ „безсмысленнаго мечтанія" претвориться въ реальную дѣйствительность, въ переселенческомъ вѣдомствѣ — если вѣрить доходящимъ до меня свѣдѣніямъ—вновь поднимается вопросъ о возможности „широкаго развитія" переселенія.

И этого вопроса, дѣйствительно, обойти никакъ нельзя. *Какъ его рѣшать*—это именно и является предметомъ настоящей статьи. Но *обойти* его, повторяю, невозможно.

Въ самомъ дѣлѣ, земельная реформа, конечно, не исчерпы-

вается вопросомъ о расширеніи площади крестьянскаго землевладѣнія, не исчерпывается даже для тѣхъ, кто гораздо болѣе розово, чѣмъ я, смотритъ и на реальныя возможности такого расширенія, и на вѣроятныя его послѣдствія, на возможное его вліяніе на благосостояніе крестьянскихъ массъ. Но расширеніе крестьянскаго землевладѣнія—это та сторона аграрнаго вопроса, которая, силою судебъ, выдвигается на первую, ближайшую очередь: выдвигается на ближайшую очередь, какъ потому, что увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія является, или во всякомъ случаѣ кажется, мѣрою, быстрѣе осуществимою, способною дать болѣе непосредственные результаты, нежели сложная совокупность мѣръ, направленныхъ къ экономическому и культурному подъему крестьянскаго хозяйства; такъ, въ особенности потому, что расширеніе крестьянскаго землевладѣнія—это *первый* и *главный* изъ лозунговъ, стоящихъ на широко-развертывающемся знамени крестьянскихъ массъ, и мимо этого лозунга, въ теперешній историческій моментъ, не можетъ пройти никакая реальная политика.

Но для того, чтобы расширеніе крестьянскаго землевладѣнія имѣло дѣйствительный смыслъ,—чтобы оно могло сколько нибудь ощутительно отразиться на благосостояніи крестьянскихъ массъ,—чтобы оно дѣйствительно могло „открыть нашему отечеству путь мирнаго развитія" (А. И. Чупровъ) для этого оно должно быть очень значительнымъ. Если расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, въ самомъ дѣлѣ, должно исцѣляющимъ образомъ повліять на положеніе крестьянскихъ массъ,—это средство должно быть отпущено, ни въ какомъ случаѣ, не въ гомеопатическихъ дозахъ. А между тѣмъ примѣненіе его въ дозахъ, хоть сколько нибудь приближающихся къ аллопатическимъ, встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе въ ограниченности тѣхъ земельныхъ запасовъ страны, которые, *реально*, могутъ быть использованы для цѣлей расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Я уже не говорю о надѣленіи по трудовымъ нормамъ: „это идеальное разрѣшеніе аграрной проблемы—писалъ 12 лѣтъ тому назадъ покойный А. И. Чупровъ—для насъ недоступно. Какъ ни несовершенны подсчеты о количествѣ земли, какимъ можно располагать при аграрной реформѣ, но они съ несомнѣнностью доказываютъ одно,—что удовлетвореніе потребности

крестьянства въ землѣ по трудовой нормѣ превысило бы всѣ имѣющіеся въ Европейской Россіи запасы удобной земли" *). Положеніе это А. И. Чупровъ, уже въ то время, признавалъ „не подлежащимъ спору". А между тѣмъ съ тѣхъ поръ прошло еще 12 лѣтъ—за это время населеніе, а слѣдовательно и потребное для его надѣленія по трудовой нормѣ количество земли возросло, приблизительно, на 20—22 процента.

Максимумъ того, о чемъ можно было мечтать уже въ 1905 году, и тѣмъ болѣе—о чемъ можно мечтать сейчасъ—это дополнительное надѣленіе крестьянъ либо до потребительной нормы, либо до установленныхъ, въ свое время, примѣнительно къ потребительному принципу „высшихъ" или „указныхъ" надѣловъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; то и другое, конечно, по числу наличныхъ душъ къ тому моменту, когда будетъ осуществляться аграрная реформа. Въ 1905 году вниманіе почти всѣхъ, кто пытался вычислить потребное для проведенія аграрной реформы количество земли и исчислить тѣ наличные земельные запасы, какими можно было бы располагать для этой цѣли, было устремлено, главнымъ образомъ, въ сторону „высшихъ" и „указныхъ" надѣловъ 1861 года. Результаты дѣлавшихся вычисленій довольно далеко разошлись между собою. Проф. А. А. Чупровъ пришелъ къ очень оптимистическимъ заключеніямъ: его выводъ гласилъ, что „для надѣленія нуждающихся земледѣльцевъ до нормъ „высшихъ" и „указныхъ" надѣловъ по положенію 19 февраля 1861 года земли въ Европейской Россіи хватитъ, и останется еще не мало на долю частныхъ собственниковъ". Результаты вычисленій пишущаго эти строки были совершенно иные: нехватка земли до тѣхъ же нормъ получилась у меня, въ итогѣ по 44 губерніямъ, 73 милліона десятинъ; запасъ земельныхъ угодій казны, удѣла и частныхъ владѣльцевъ опредѣлялся, по тѣмъ же губерніямъ, въ 44 милліона десятинъ; предполагая полное использованіе этого запаса для цѣлей дополнительнаго надѣленія, все же не хватало 29 милліоновъ десятинъ. Если считаться съ одними только обоими итогами, то недостача эта съ огромнымъ избыткомъ покрывалась за счетъ избыточ-

*) Эта и послѣдующія цитаты—изъ статьи А. И. Чупрова „Къ вопросу объ аграрной реформѣ" во 2-мъ томѣ сборника „Аграрный вопросъ" изд. И. И. Петрункевича и кн. П. Д. Долгорукова. М. 1907

ныхъ лѣсныхъ пространствъ Но эти избыточныя лѣсныя пространства почти цѣликомъ сосредоточиваются въ немногихъ сѣверныхъ, лѣсныхъ губерніяхъ, и уже поэтому не могутъ идти въ разсчетъ при исчисленіи земельнаго фонда, могущаго послужить для расширенія землевладѣнія сосредоточивающейся, главнымъ образомъ, въ черноземномъ центрѣ массы малоземельнаго крестьянства. Не только въ такихъ районахъ, какъ центрально-черноземный, малороссійскій и юго западный, но также въ подмосковной области и въ большей части районовъ бѣлорусскаго и литовскаго, вся совокупность земель не крестьянскаго владѣнія, вмѣстѣ съ избыткомъ лѣсовъ, оказывалась недостаточной для доведенія крестьянскихъ надѣловъ до нормъ 1861 года. Еще къ инымъ результатамъ, болѣе благопріятнымъ, нежели я, но далеко менѣе благопріятнымъ, нежели А. А Чупровъ, пришелъ проф В. Э. Денъ, подвергшій подробной критикѣ какъ мои вычисленія, такъ и расчеты А А Чупрова. Вычисленія В. Э. Дена относились къ 36 губерніямъ; для этихъ 36 губерній размѣры дополнительной нарѣзки до нормъ 1861 года опредѣлились въ 40 милліоновъ десятинъ, и конечный выводъ В. Э. Дена гласилъ, что, „поскольку мы оставимъ нетронутыми лѣса, дополнительное надѣленіе до нормъ 1861 года можетъ быть осуществлено только цѣной полной или почти полной ликвидаціи частновладѣльческаго земледѣльческаго хозяйства"; и „личное впечатлѣніе" В. Э. Дена было таково, что такой выводъ „скорѣе слишкомъ оптимистиченъ, чѣмъ наоборотъ".

Допустимъ теперь, что это послѣднее предположеніе невѣрно,—что, значитъ, результаты вычисленій В Э. Дена ближе къ истинѣ, нежели мои [1]). Все же и въ этомъ, сравнительно, благопріятномъ случаѣ весь наличный запасъ земель не крестьянскаго владѣнія оказывался лишь достаточнымъ, чтобы надѣлить, по нормамъ 1861 года, населеніе *1906 года*. Значитъ, весь этотъ запасъ будетъ уже *не*достаточенъ, чтобы надѣлить по тѣмъ же нормамъ то населеніе, какое окажется налицо къ моменту проведенія въ жизнь аграрной реформы; даже въ лучшемъ случаѣ, если дополнительное надѣленіе послѣдуетъ тотчасъ же послѣ предстоящаго учредительнаго собранія, и то придется

[1]) Я не вхожу въ подробности вопроса, ибо для цѣли настоящаго очерка онъ особаго значенія не имѣетъ

считаться съ приростомъ населенія, по меньшей, мѣръ въ 18—20 % сверхъ тѣхъ цифръ, изъ которыхъ исходилъ В. Э. Денъ въ своихъ разсчетахъ. А при этомъ и разсчеты В. Э. Дена лишь въ общихъ по нѣсколькимъ десяткамъ губерній итогахъ приводятъ къ сравнительно благопріятному результату и не устраняютъ того факта, что въ рядѣ районовъ мѣстные земельные запасы, съ присовокупленіемъ даже избытка лѣсовъ, окажутся недостаточными для дополнительнаго надѣленія по нормамъ 1861 года, и такое надѣленіе окажется осуществимымъ лишь при весьма проблематической возможности надѣленія избытка малоземельныхъ крестьянъ за счетъ избыточныхъ сверхъ мѣстной потребности земельныхъ запасовъ окраинныхъ районовъ, проблематической—хотя бы уже въ виду того весьма реальнаго факта, что жалобы на малоземелье и требованія дополнительнаго надѣла исходятъ отнюдь не отъ однихъ только, въ самомъ дѣлѣ, скудно надѣленныхъ крестьянъ, главнымъ образомъ бывшихъ помѣщичьихъ, но и отъ гораздо лучше надѣленныхъ, бывшихъ государственныхъ, которые отнюдь не останавливаются въ своихъ требованіяхъ, на нормахъ 1861 года, а требуютъ надѣленія „прибылого" населенія по гораздо болѣе высокимъ нормамъ; что, съ другой стороны, отъ сравнительно изобильно-надѣленныхъ землею крестьянъ окраинныхъ районовъ отнюдь нельзя ожидать особой готовности подѣлиться мѣстными, хотя бы и значительными земельными запасами съ малоземельнымъ иногубернскимъ крестьянствомъ; напротивъ—можно съ достаточною долею увѣренности ожидать, что крестьянство малоземельныхъ окраинъ Европейской Россіи заявитъ весьма опредѣленныя притязанія на отводъ *ему, цѣликомъ*, всѣхъ мѣстныхъ земельныхъ запасовъ, и что съ этими притязаніями придется *весьма* и *весьма* серьезно считаться.

Дѣло мало измѣнится—какъ позволительно думать—если въ основу будущей аграрной реформы будутъ положены не высшіе или указные надѣлы 1861 года, а-какъ настаивалъ покойный А. И. Чупровъ—„потребительныя нормы, разсчитанныя согласно условіямъ настоящаго времени", или же приближающіяся, по своему смыслу, къ потребительнымъ нормы, вычисленныя согласно принципу, впервые предложенному, кажется, мною въ одной изъ моихъ спеціальныхъ работъ, а затѣмъ проведенному въ про-

ектѣ главныхъ основаній закона о земельномъ обезпеченіи земледѣльческаго населенія, внесенномъ въ 1-ую думу 39-ю членами фракціи к.-д.: именно средніе размѣры землепользованія той части населенія, которая ведетъ самостоятельное хозяйство, не нанимая, но въ то же время не отпуская рабочихъ рукъ изъ своего состава. Само собою разумѣется, что теоретически потребительная норма имѣетъ всѣ преимущества передъ „историческими" нормами 1861 года. Но покойный А. И. Чупровъ былъ едва ли правъ, когда высказывалъ предположеніе, что „надѣлы по потребительной нормѣ будутъ нѣсколько ниже, нежели высшіе или указные надѣлы". Покойный Александръ Ивановичъ и самъ оговаривалъ, что для окраинныхъ мѣстностей—т. е. какъ разъ для тѣхъ, гдѣ сосредоточиваются наиболѣе значительные свободные земельные запасы, потребительныя нормы будутъ не ниже, а *выше* нормъ 1861 года. Но главное—это то, что намъ неизвѣстно (да и не можетъ быть) такого метода вычисленія земельныхъ нормъ, который обезпечивалъ бы точность и, главное, *объективность* результата. И если нормы 1861 года были, какъ многіе думаютъ, понижены противъ дѣйствительной потребности, то можно, напротивъ, быть увѣреннымъ, что тѣ потребительныя нормы, которыя будутъ вырабатываться конечно при рѣшающемъ участіи мѣстныхъ силъ и учрежденій, для предстоящаго дополнительнаго надѣленія, будутъ, какъ правило, болѣе или менѣе значительно преувеличены.

Но это, въ сущности, неважно. Важно то, что по вѣрному замѣчанію того же А. И. Чупрова, „спускать надѣлы ниже потребительной нормы нѣтъ ни возможности, ни цѣли": дополнительные надѣлы, не достигающіе даже потребительной нормы,—это будетъ такая гомеопатическая доза, ради которой „не стоитъ предпринимать хлопоты и ломку, сопряженныя съ аграрной реформой". И намъ приходится заранѣе мириться съ тѣмъ, что „въ нѣкоторой долѣ сельскихъ обществъ не окажется подходящаго запаса земель для того, чтобы довести надѣленіе до вышеупомянутой нормы". Если даже эти мѣстности будутъ—какъ, едва-ли правильно, думалъ покойный А. И.,—„*относительно* немногочисленны, то *абсолютно* ихъ будетъ всетаки достаточно много: вѣрнѣе же всего и относительное число ихъ будетъ далеко незначительно. И вотъ для всѣхъ такихъ мѣстностей единственнымъ способомъ

довести крестьянское землевладѣніе до нормъ безразлично—потребительныхъ, вычисленныхъ въ соотвѣтствіи съ современными условіями, или историческихъ, завѣщанныхъ положеніями 19-го февраля, будетъ „выселеніе части жителей на новыя мѣста",—выселеніе „съ такимъ расчетомъ, чтобы остающимся былъ предоставленъ земельный надѣлъ по принятой нормѣ". Иначе говоря—дополнительное надѣленіе лишь въ томъ случаѣ способно довести землевладѣніе всего малоземельнаго крестьянства даже до такихъ сравнительно скромныхъ нормъ, какъ потребительные или высшіе надѣлы 1861 года, если оно будетъ связано съ болѣе или менѣе массовымъ переселеніемъ избыточной доли наличнаго земледѣльческаго населенія.

Вотъ почему *вопросъ о дополнительномъ владѣніи, вообще о сколько нибудь серьезныхъ массовыхъ мѣрахъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія неизбѣжно приводитъ къ вопросу о возможномъ развитіи переселенія.* Вотъ почему этотъ послѣдній вопросъ неизбѣжно долженъ былъ становиться и, въ самомъ дѣлѣ, становился на очередь въ 1905 году, вотъ почему онъ становится на очередь сейчасъ, въ 1917 году,—становится на очередь каждый разъ, когда вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія выдвигается впередъ и когда появляются шансы на мыслимо широкое его разрѣшеніе.

И тѣмъ необходимѣе сейчасъ же, съ полною категоричностью сказать, и я считаю своимъ долгомъ человѣка, лучшую часть своей жизни отдавшаго практической работѣ по переселенію и изученію переселенческаго вопроса, сказать, въ самомъ дѣлѣ, съ полною категоричностью и со всею силою моего убѣжденія:

Нѣтъ, переселеніе, ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ условіяхъ, не можетъ сыграть сколько нибудь существенной роли въ дѣлѣ расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Оно можетъ быть полезно въ отдѣльныхъ случаяхъ или группахъ случаевъ, для отдѣльныхъ крестьянскихъ обществъ или небольшихъ районовъ, но *въ общей постановкѣ* аграрнаго вопроса оно не можетъ сыграть роли даже и гомеопатическаго средства. Всѣ мысли о „широкомъ развитіи" переселенія за Уралъ—не болѣе какъ „безсмысленныя мечтанія", и всякая попытка проведенія въ жизнь такого рода плановъ неизбѣжно приведетъ, какъ всегда приво-

дила до сихъ поръ, лишь къ новой путаницѣ и новой неразберихѣ. На мою долю выпало сдѣлать все, что было въ моихъ силахъ, чтобы разсѣять переселенческія мечтанія въ 1905 году,—и теперь, въ 1917 году, я могу только съ еще большею категоричностью заявлять то самое, что я заявлялъ тогда, и что, въ то время, нашло себѣ отраженіе и въ постановленіяхъ аграрнаго съѣзда. Почему *съ еще большею* категоричностью? Очень просто: потому, что въ то время, въ 1905 году, доказательства невозможности широкаго развитія переселенія носили, въ значительной мѣрѣ, теоретическій, апріорный характеръ, и противъ нихъ естественно напрашивалось возраженіе: да можетъ быть, все дѣло въ томъ, что до сихъ поръ никто серьезно не принимался за дѣло—за широкое развитіе переселенія; можетъ быть то, что казалось невозможнымъ при опредѣленно-недружелюбной къ переселенію политикѣ самодержавнаго правительства, господствовавшей до 1892 года, и при крайней недостаточности той положительной работы, которая дѣлалась, уже въ благопріятномъ для переселенія смыслѣ, въ то десятилѣтіе, когда переселеніемъ въ Сибирь вѣдалъ комитетъ сибирской желѣзной дороги, окажется вполнѣ возможнымъ, если правительство энергично примется за дѣло, если, въ самомъ дѣлѣ, будутъ приняты широкія мѣры къ развитію переселенческаго движенія и къ устройству переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ.

Протекшія со времени первой революціи 10 съ лишнимъ лѣтъ представляютъ собою цѣлый періодъ въ исторіи переселенія и переселенческой политики: періодъ, когда самодержавное правительство, при поддержкѣ, особенно 3-ей государственной думы въ самомъ дѣлѣ, сдѣлало все, что можно было, и даже больше чѣмъ слѣдовало, для широкаго развитія переселенія. Я уже напоминалъ о томъ, что съ начала 1906 года, при первыхъ же признакахъ реакціи, переселеніе было выдвинуто какъ одно изъ серьезныхъ средствъ борьбы съ аграрными стремленіями крестьянства и аграрными планами оппозиціонныхъ общественныхъ теченій, и возможно широкое развитіе переселенія было провозглашено „одною изъ важнѣйшихъ задачъ“ вдохновлявшагося сначала Горемыкинымъ, а потомъ Столыпинымъ, вѣдомства землеустройства и земледѣлія. Въ немного лѣтъ, смѣта расходовъ на переселенческое дѣло съ трехъ съ небольшимъ милліоно

была доведена до тридцати милліоновъ съ лишкомъ. переселенческое вѣдомство изъ небольшой канцеляріи, почти безъ мѣстныхъ агентовъ развернулось въ нѣчто вродѣ министерства колоній съ тысячнымъ персоналомъ на мѣстахъ. Правительство И. Л. Горемыкина не удовольствовалось гарантированіемъ „дѣйствительной свободы переселенія: съ думской каѳедры, откуда каждое слово, въ то время, гулко разносилось по всей странѣ, оно заявляло о „громадныхъ пространствахъ пригодной для заселенія земли, пустующихъ нынѣ въ азіатскихъ владѣніяхъ имперіи"; по довольно необдуманно попавшему въ печатные документы оффиціальному свидѣтельству, оно „широко распространяло изданія, рекламирующія переселеніе", вообще стало на путь „особой пропаганды переселенческаго движенія" Было-бы серьезнѣйшею ошибкою сказать, что такому взгляду на возможную и желательную роль переселенія соотвѣтствовала широта практическихъ мѣропріятій тогдашняго правительства. Напротивъ, и во многихъ, и чрезвычайно важныхъ направленіяхъ,—во всемъ, что относится къ культурно-хозяйственному устроенію переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, въ первые годы этой новой политики было сдѣлано крайне недостаточно. Но за то болѣе чѣмъ достаточно, слишкомъ много, было сдѣлано для обезпеченія возможности количественнаго роста переселенія, и въ частности—для разысканія и заготовки земель для водворенія переселенцевъ: „поиски земель для переселенцевъ" были объявлены „первою и главною задачею" переселенческаго вѣдомства, передъ которою „отступали всѣ остальныя". Составъ нарѣзывавшихъ переселенческіе участки межевыхъ партій былъ усиленъ въ нѣсколько разъ, и путемъ, главнымъ образомъ, пониженія требованій къ качеству ихъ работы, была значительно повышена ея количественная интенсивность. Результатъ получился весьма ощутительный: въ то время какъ за 13-лѣтній періодъ, съ 1893 по 1905 года, было отведено подъ переселеніе всего $11^1/_2$ милліоновъ десятинъ, съ 619 тыс душевыхъ долей, за пятилѣтіе 1906—10 гг. было нарѣзано 1329 тыс. душевыхъ долей и почти 22 милліона десятинъ земли. Конечно, при такомъ огромномъ расширеніи работъ по нарѣзкѣ переселенческихъ участковъ выдвигалась задача „изысканія среди пустующихъ пространствъ Азіатской Россіи земель, пригодныхъ подъ заселеніе": иначе говоря, нужно было выяснить,

что представляютъ собой необъятныя пространства сибирской тайги и урмановъ и почти столь же необъятныя пространства не затронутыхъ еще колонизаціей средне-азіатскихъ степей-пустынь. Для этой цѣли были организованы спеціальныя естественно-историческія экспедиціи, поставленныя подъ руководство видныхъ спеціалистовъ. Экспедиціи эти охватили своими изслѣдованіями огромныя пространства, измѣряемыя, въ общемъ за все время, итогѣ, сотнями милліоновъ десятинъ. Онѣ дали весьма цѣнные научные результаты, въ частности внесли полный переворотъ въ господствовавшія до тѣхъ поръ, съ легкой руки Докучаева, представленія о почвенныхъ условіяхъ Сибири. Казалось что и практическіе результаты ихъ работъ были весьма удовлетворительны: уже съ первыхъ шаговъ этихъ работъ, переселенческое вѣдомство оффиціально заявляло о найденныхъ ими „обширныхъ пространствахъ удобныхъ для заселенія земель", и еще въ началѣ 1914 года количество ихъ опредѣлялось вѣдомствомъ „примѣрно" въ одну пятую часть всѣхъ изслѣдованныхъ пространствъ.

Не менѣе существенное значеніе имѣла и другая категорія обстоятельствъ, о которой, пока, скажу лишь мимоходомъ. И въ коренной Сибири, и въ другомъ первостепенно-важномъ колонизаціонномъ районѣ—въ киргизскихъ степяхъ, интересы переселенія рѣзко сталкивались и сталкиваются съ интересами мѣстнаго населенія: въ коренной Сибири, главнымъ образомъ, русскихъ крестьянъ—старожиловъ, въ киргизскихъ степяхъ—съ интересами киргизъ. Колонизація велась и ведется, особенно въ киргизскомъ краѣ, болѣе или менѣе исключительно за счетъ земель, въ той или другой формѣ, въ той или другой мѣрѣ, эксплоатировавшихся, до того, мѣстнымъ населеніемъ,—чтобы отвести каждое данное пространство земли подъ переселеніе, нужно было изъять его изъ основаннаго на фактической оккупаціи и въ той или другой мѣрѣ санкціонированнаго закономъ пользованія мѣстнаго населенія. Въ дореволюціонное время къ этимъ правамъ и интересамъ мѣстнаго населенія, какъ крестьянскаго, такъ и киргизскаго, вообще инородческаго, относились очень бережно, нерѣдко даже и *слишкомъ* бережно. Съ 1906 года, когда, какъ мы видѣли, самодержавное правительство заинтересовалось переселеніемъ, отношеніе его къ правамъ и интересамъ какъ сибирскихъ старожиловъ, такъ и туземнаго населенія Сибири и Степного края рѣзко измѣнилось къ худшему,

и это рѣзко измѣнившееся отношеніе позволило пойти гораздо дальше въ использованіи такъ называемыхъ „излишковъ" крестьянскаго и киргизскаго пользованія, иначе говоря—въ отрѣзкѣ и обращеніи подъ заселеніе земель въ той или другой мѣрѣ использовавшихся мѣстнымъ населеніемъ. Какъ мы подробнѣе увидимъ дальше, въ концѣ концовъ, именно это, можно сказать, возведенное въ догму переселенческаго вѣдомства пренебреженіе къ правамъ и интересамъ мѣстнаго населенія болѣе, нежели что либо иное, позволило расширить заготовку земель для водворенія переселенцевъ. Но „отрѣзки, какъ никакъ, источникъ временный" (Огановскій). *На-долго* ихъ не могло хватить. *Реальные* результаты работъ почвенно-ботаническихъ экспедицій, какъ мы подробнѣе увидимъ ниже, тоже оказались ничтожными. И вотъ, уже въ 1908 году переселенческому вѣдомству приходится констатировать „растущую годъ отъ года затруднительность отвода" такихъ милліоновъ и десятковъ милліоновъ десятинъ, какіе были-бы потребны для широкаго, въ самомъ дѣлѣ, развитія переселенія, а въ началѣ 1914 года ему приходится оффиціально признать наличность „временнаго истощенія въ Сибири запаса земель, сравнительно легко доступныхъ для заселенія". Въ соотвѣтствіи съ этимъ, правительству уже въ томъ-же 1908, частью даже въ 1907 году, когда, можно сказать еще не отзвучали дѣлавшіеся съ думской каѳедры призывы къ массовому переселенію, приходится вступать на путь такъ называемаго регулированія, или попросту—*ограниченія, сдерживанія* переселенческаго движенія. Подъ вліяніемъ, частью, этихъ „регулирующихъ" или, просто, сдерживающихъ переселеніе мѣропріятій, частью въ результатѣ тѣхъ разочарованій, которыя нашли себѣ выраженіе въ огромной долѣ безрезультатнаго ходачества и въ рѣзко возросшемъ, начиная, особенно, съ 1909 года обратномъ переселеніи, движеніе переселенцевъ за Уралъ, въ 1907—1909 г.г. взвинченное до 570, 745 и 680 тыс. душъ (включая ходоковъ), въ 1910 году падаетъ до 323 тыс. и ни въ одинъ изъ послѣдующихъ годовъ не достигаетъ даже этой цифры. Въ соотвѣтствіи съ этимъ рѣзко сокращается и заготовка земель для водворенія переселенцевъ: тогда какъ въ 1908 году было заготовлено 389 тыс. душевыхъ долей или около шести милліоновъ десятинъ уже въ 1911 году отведенная подъ заселеніе площадь сокращается до

неполныхъ трехъ милліоновъ десятинъ; въ 1912 г. заготовка земель сокращается до полуторыхъ съ небольшимъ милліоновъ, въ слѣдующіе два года отводится 800 и 1200 тыс. десятинъ. Болѣе того, послѣ вызванной, именно, неудачею „широкой" переселенческой политики поѣздки въ Сибирь покойнаго Столыпина и главноуправляющаго землеустройствомъ А. В. Кривошеина, правительство принципіально отказывается отъ надеждъ на переселеніе, какъ на сколько-нибудь широкій путь къ разрѣшенію аграрныхъ затрудненій и оффиціально объявляетъ „главною задачею переселенческой политики не выселеніе трудовыхъ массъ съ родины, а заселеніе окраинъ русскими людьми", и переноситъ „центръ тяжести переселенческаго дѣла" на „*качественную*" сторону—прочность устройства новоселовъ и на улучшеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, общей культурной обстановки заселенія". Въ рамкахъ настоящей статьи я лишенъ возможности остановиться на томъ, какъ понималась эта „качественная" сторона и что было сдѣлано въ этомъ направленіи. Что для меня важно,—это то, что, выдвигая „*качественную*" сторону, правительство тѣмъ самымъ, въ слабо лишь замаскированной формѣ, отреклось отъ возобладавшаго было послѣ 1906 года стремленія къ *количественному* развитію переселенческаго движенія.

На той-же точкѣ зрѣнія переселенческое вѣдомство стоитъ, *фактически*, и сейчасъ, или точнѣе—стояло въ послѣдній моментъ передъ новой революціей, въ своихъ смѣтныхъ предположеніяхъ на 1917 годъ. Тѣ громкія фразы о „полной доступности" переселенія „для всякаго желающаго", о „столь значительныхъ культурно-экономическихъ цѣнностяхъ" и пр., которыя были приведены выше, имѣютъ, въ сущности, только декларативное или декоративное значеніе; онѣ предназначены, болѣе или менѣе исключительно для того, чтобы выторговать у финансовыхъ вѣдомствъ нѣкоторую прибавку къ урѣзанной, въ виду военныхъ обстоятельствъ, смѣтѣ. Фактически къ нарѣзкѣ подъ переселеніе въ нынѣшнемъ году намѣчается все та же очень скромная, площадь въ 1200 тыс. десятинъ, или 100 тыс. душевыхъ долей, и весь запасъ нарѣзанныхъ участковъ, какой вѣдомство считаетъ нужнымъ имѣть въ своемъ ежегодномъ распоряженіи, опредѣляется такою скромною и безконечно далекою отъ всякихъ широкихъ перспективъ цифрою, какъ 200 тыс., а на ближайшее послѣ вой-

ны время даже только 170 тыс. душевыхъ полей Правда, вѣдомство считаетъ, въ то же время, нужнымъ „быть подготовленнымъ" къ осуществленію плана заготовки земельнаго фонда „для устройства на немъ, немедленно по окончаніи войны, наиболѣе доблестныхъ защитниковъ родины"; конкретнѣе—имѣть законченными подготовкой для этой цѣли, „во всякомъ случаѣ не позднѣе 1918 года", свыше 100 тыс. семейныхъ или 350—400 тысячъ душевыхъ надѣловъ Но такъ какъ смѣтная записка не намѣчаетъ никакихъ практическихъ шаговъ къ подготовкѣ этого спеціально-воинскаго фонда, и фактически все дѣло сводится къ заготовкѣ вышеупомянутыхъ 100 тыс. душевыхъ долей то мнѣ кажется яснымъ, что весь планъ заготовки воинскаго фонда быль навязанъ переселенческому вѣдомству однимъ изъ многочисленныхъ великокняжескихъ комитетовъ, давленію котораго вѣдомство не могло противустоять, и что фактически вѣдомство не слишкомъ-то думало, а сейчасъ, надо думать, и совсѣмъ не думаетъ объ осуществленіи этой затѣи.

Почему же, спрашивается, самодержавное правительство, кровно заинтересовавшееся мыслимо широкимъ развитіемъ переселенія, такъ скоро вынуждено было забить отбой и ввести переселеніе въ такія узкія рамки, при которыхъ оно уже, очевидно, не можетъ имѣть никакого, сколько-нибудь ощутительнаго вліянія на земельныя отношенія въ районахъ выселенія? Объ этомъ много уже было говорено и писано,—много, въ частности, пришлось говорить и писать мнѣ лично. И сейчасъ, въ 1917 году, опираясь на несравненно болѣе широкій опытъ послѣдняго приблизительно десятилѣтія, я могу лишь повторить, не измѣняя ни одной буквы, то самое, что я писалъ въ 1905 году, на основаніи всей имѣвшейся тогда, несравненно болѣе ограниченной, совокупности данныхъ о такъ называемой „колонизаціонной емкости" Азіатской Россіи: „запасы земель—писалъ я—могущихъ дѣйствительно служить для цѣлей переселенія и колонизаціи, хотя и исчисляются, конечно, милліонами десятинъ, однако совершенно ничтожны, по сравненію съ тѣмъ, что потребовалось бы для такого развитія переселенія, при которомъ дѣйствительно могло бы оказать серьезное вліяніе на аграрныя и хозяйственныя отношенія русскаго крестьянства". Какъ это и почему? Потому что „практически-неограниченнымъ можно считать предложеніе

лѣсныхъ земель, т. е. тѣхъ именно, на которыя предъявляется наименьшій спросъ и которыя обладаютъ наиболѣе односторонне колонизаціонною пригодностью. И напротивъ, крайне ограниченъ запасъ такихъ земель, которыя могли бы служить для водворенія переселенцевъ изъ черноземнаго центра и юга Европейской Россіи.

Въ самомъ дѣлѣ. Пусть переселенческое вѣдомство право, когда заявляетъ, что около одной пятой части всѣхъ изслѣдованныхъ почвенно-ботаническими экспедиціями земельныхъ пространствъ оказалось „удобными для заселенія". Но вѣдь почвенно-ботаническія экспедиціи, даже въ самомъ благопріятномъ случаѣ —если, именно, онѣ даже не проявляли, иногда, особенно въ самомъ началѣ, нѣкоторой поспѣшности въ своихъ заключеніяхъ; даже въ этомъ, лучшемъ случаѣ, говорю я, онѣ по самому существу своихъ задачъ и методовъ своей работы, могли судить только о нѣкоторомъ *абстрактномъ* „удобствѣ" или пригодности для заселенія; все, что онѣ могли сказать—это, что естественно-историческія условія такихъ-то пространствъ не исключаютъ возможности ихъ земледѣльческой колонизаціи, что эти условія, въ частности, позволяютъ, съ увѣренностью или предположительно, считать возможнымъ разведеніе обычныхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ сельскохозяйственныхъ растеній. Но *дѣйствительная* колонизаціонная емкость страны или области опредѣляется не только этимъ абстрактнымъ „удобствомъ", но кромѣ того и соотвѣтствіемъ, болѣе или менѣе близкимъ, тѣхъ мѣстностей, гдѣ имѣется въ виду водворять переселенцевъ, вѣками выработавшимся хозяйственнымъ и бытовымъ привычкамъ и навыкамъ даннаго, конкретнаго состава переселенцевъ. Между тѣмъ, еще разъ повторяю, практически неограниченнымъ запасъ абстрактно-пригодныхъ для колонизаціи земель является только въ необъятныхъ лѣсныхъ, въ частности въ таежныхъ и урманныхъ пространствахъ коренной Сибири и Приамурскаго края; какъ ни велика доля послѣднихъ, занятая подъ сосновыми борами, горами, болотами и пр., среди нихъ, несомнѣнно, имѣются и, въ значительной мѣрѣ, зарегистрированы экспедиціями, обширныя, въ общей сложности, пространства земель, въ самомъ дѣлѣ годныхъ подъ заселеніе и разработку; а опытъ старожильской колонизаціи показываетъ, что колонизація таежныхъ и урманныхъ мѣстностей, при извѣстныхъ условіяхъ и

главное—при извѣстномъ подборѣ переселенцевъ, можетъ давать вполнѣ удовлетворительные результаты, притомъ болѣе устойчивые, нежели болѣе, такъ сказать, эффектная колонизація степныхъ районовъ. Но бѣда въ томъ, что наше переселенческое движеніе—это, по преимуществу, переселеніе *изъ черноземной полосы*, какъ и вообще вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія особенно остро ставится именно въ черноземной полосѣ Съ небольшими лишь колебаніями во времени, переселенцы изъ черноземной полосы составляютъ отъ трехъ четвертей почти до четырехъ пятыхъ всего переселенческаго движенія, и съ теченіемъ времени процентъ черноземныхъ переселенцевъ не только не убываетъ—какъ казалось одно время, но напротивъ, даже нѣсколько растетъ. Между тѣмъ, какъ разъ черноземные переселенцы обладаютъ—если можно такъ выразиться—особенно одностороннею колонизаціонною способностью: переселенцы изъ лѣсной полосы—пермяки, вятичи и пр., тяготятся, въ степяхъ, недостаткомъ лѣса и, нерѣдко, неудовлетворительными водными условіями—но многіе изъ нихъ все же устраиваются хорошо и въ такого рода мѣстностяхъ переселенцы изъ черноземныхъ мѣстностей, и въ особенности изъ степной полосы, просто, *не идутъ* на лѣсныя земли, а если по несчастной случайности, заходятъ въ лѣсную мѣстность, обыкновенно бѣгутъ оттуда. По моимъ подсчетамъ, сдѣланнымъ въ 1900 году, изъ числа переселенцевъ, водворенныхъ на лѣсныхъ (и то *не* таежныхъ) участкахъ, на долю выходцевъ изъ южной части черноземной полосы приходилось не болѣе 3 %, на долю выходцевъ изъ черноземнаго центра и заволжья 7 %; по подсчетамъ О. А. Шкапского (1904 г.) въ таежной полосѣ водворилось всего 6 % выходцевъ изъ степныхъ губерній. Вотъ почему не говоря уже о такихъ сравнительно легко устранимыхъ условіяхъ какъ бездорожье и т. п., найденныя почвенно-ботаническими экспедиціями среди таежныхъ и урманныхъ пространствъ Сибири „удобныя" площади лишь въ ничтожной долѣ использованы для нарѣзки переселенческихъ участковъ. Какъ оффиціально констатируется въ отчетныхъ и смѣтныхъ запискахъ переселенческаго вѣдомства, и какъ легко убѣдиться, взглянувъ на прилагаемыя къ его ежегоднымъ отчетамъ карты губерній и областей Сибири, землеотводныя работы въ сибирскихъ губер-

ніяхъ, въ послѣдніе годы, вновь сосредоточились, болѣе или менѣе цѣликомъ, „почти исключительно на отрѣзкахъ отъ поземельнаго устройства старожиловъ и на кабинетскихъ земляхъ"; вѣрнѣе сказать, сосредоточились болѣе или менѣе окончательно, потому что центръ тяжести „поисковъ земель" для отвода подъ заселеніе и до того не переставалъ лежать именно въ этихъ отрѣзкахъ, иначе говоря—въ земляхъ, изымавшихся изъ пользованія старожилаго населенія. Какъ выше было мимоходомъ отмѣчено, использованіе этихъ отрѣзковъ въ эпоху, предшествовавшую первой революціи, встрѣчало препятствія въ господствовавшемъ въ то время бережномъ отношеніи къ земельнымъ правамъ и интересамъ старожилаго населенія; въ частности—въ постановленіяхъ землеустроительнаго закона, въ силу которыхъ образованіе переселенческихъ участковъ изъ „излишковъ" могло имѣть мѣсто лишь одновременно съ окончательнымъ поземельнымъ устройствомъ старожиловъ каждой данной мѣстности. Въ реакціонную эпоху послѣ первой революціи, когда, какъ мы знаемъ, интересы переселенія были выдвинуты на первый планъ, съ интересами и правами старожилаго населенія перестали считаться. Въ противность требованіямъ закона, поземельное устройство старожильскихъ селеній, отъ которыхъ имѣлось въ виду отобрать излишки, *„сопутствовало* образованію переселенческихъ участковъ" отношеніе этихъ двухъ операцій было вывернуто на изнанку; „для ускоренія дѣла —по оффиціальному свидѣтельству—устраненъ былъ рядъ процессуальныхъ формальностей", установленныхъ къ огражденію правъ устраиваемыхъ старожиловъ; мало того—циркуляромъ было предписано „для расширенія колонизаціонныхъ работъ не останавливаться передъ нормальными затрудненіями, но имѣть въ виду лишь существо и пользу дѣла" —очевидно, дѣла нарѣзки переселенческихъ участковъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, „когда излишки землепользованія старожиловъ... представлялись завѣдомо значительными и могли быть точно опредѣлены", обращеніе этихъ излишковъ подъ заселеніе допускалось и вовсе „безъ одновременнаго отвода старожильскихъ надѣловъ", что являлось уже несомнѣннымъ нарушеніемъ не только смысла, но и буквы закона о поземельномъ устройствѣ старожиловъ. Благодаря такому систематическому нажатію землеустроительнаго или точнѣе—землеотрѣзного пресса, оказалось возможнымъ втиснуть еще немалое

количество переселенцевъ во многія такія мѣстности полосы старой русской колонизаціи, которыя до того считались уже окончательно заполненными

Я уже не буду говорить о томъ, что такое систематическое нажиманіе на законъ, возможное при самодержавномъ режимѣ, едва ли сможетъ продолжаться при водворившемся въ Россіи свободномъ строѣ, когда мѣстному населенію сибирскихъ губерній и областей, конечно, будетъ предоставлено болѣе или менѣе рѣшающее участіе въ распоряженіи мѣстнымъ земельнымъ фондомъ и въ частности въ дѣлахъ поземельнаго устройства. Но и помимо этого,—какъ ни нажимался землеотрѣзный прессъ, онъ не могъ дѣйствовать безконечно. Въ настоящее время весь запасъ „излишковъ", вообще неиспользованныхъ и слабоиспользованныхъ земель, вкрапленныхъ среди старожильскихъ селеній и потому сравнительно привлекательныхъ для переселенцевъ, можетъ почитаться болѣе или менѣе окончательно исчерпаннымъ, а тотъ весьма большой запасъ абстрактно—„годныхъ" для заселенія земель, который, несомнѣнно, имѣется налицо среди необъятныхъ таежныхъ и урманныхъ пространствъ Сибири, при данномъ составѣ переселенцевъ лишенъ реальнаго колонизаціоннаго значенія. Что это такъ, и это ясно видно изъ того факта, что въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ нарѣзка участковъ подъ переселеніе производится, какъ въ сибирскихъ губерніяхъ, такъ и въ областяхъ дальняго востока, лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Такъ, изъ неполныхъ 1200 тыс. десятинъ, намѣченныхъ къ нарѣзкѣ на текущій 1917 годъ, на долю четырехъ сибирскихъ губерній приходится всего 228 тыс. десятинъ —въ томъ числѣ на Иркутскую 35 и на огромную Тобольскую губернію даже только 17 тыс. десятинъ; въ трехъ областяхъ восточнѣе Байкала намѣчено къ нарѣзкѣ 125 тыс. десятинъ,—въ итогѣ, значитъ, на всю Сибирь вмѣстѣ съ дальневосточными областями приходится 351 тыс десятинъ—*менѣе трети* всей проектируемой годовой нарѣзки, остальныя же 829 тыс. десятинъ намѣчены къ нарѣзкѣ въ областяхъ киргизскаго края и частью Туркестана. До очевидности ясно: если переселенческое вѣдомство, при всей настоятельности нужды въ землѣ для водворенія переселенцевъ и при всей трудности заготовки земельнаго фонда въ киргизскомъ краѣ и въ Туркестанѣ, все же свело почти къ нулю землеотвод-

ныя работы въ коренной Сибири,—*это значитъ, что въ Сибири больше нечего или почти нечего взять*: „стрѣлки", на которые переселенцы садятся охотно, могутъ почитаться исчерпанными, а на лѣсныя земли переселенцы не идутъ: во что-бы то ни стало, имъ нужны степные или полустепные, въ крайнемъ случаѣ подлѣсные, и ни въ какомъ случаѣ—не таежные или урманные участки.

И все это, несмотря на проведенныя еще въ 1911 году, послѣ поѣздки въ Сибирь Столыпина и Кривошеина, мѣры изъ области земельной и ссудной политики, которыми имѣлось въ виду отвлечь переселенцевъ отъ столь излюбленныхъ ими степныхъ районовъ и привлечь ихъ къ водворенію въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ коренной Сибири и дальняго востока. Эти мѣры—это съ одной стороны, установленная закономъ 1912 года градація выдаваемыхъ переселенцамъ ссудъ, съ другой—еще не санкціонированная закономъ, но уже въ теченіе ряда лѣтъ фактически проводимая въ жизнь, въ весьма часто примѣнявшемся переселенческимъ вѣдомствомъ порядкѣ, если можно такъ выразиться „предварительнаго исполненія" замѣна безплатнаго отвода земли переселенцамъ, водворяющимся въ наиболѣе притягательныхъ для нихъ районахъ, продажей. Въ основу новаго ссуднаго закона положена пропорціональность ссудныхъ нормъ степени трудности заселенія каждаго даннаго района, съ одной стороны, и желательности его заселенія съ точки зрѣнія общей государственной или спеціально-переселенческой политики съ другой, въ частности, въ тѣхъ, наиболѣе привлекающихъ переселенческую массу, болѣе или менѣе исключительно степныхъ районахъ, гдѣ уже ясно обнаружились признаки переполненія переселенцами и откуда, поэтому, имѣется въ виду отвлечь переселенческое движеніе, ссудъ не выдается вовсе, и наоборотъ, въ тѣхъ, главнымъ образомъ таежныхъ районахъ, колонизацію которыхъ имѣется въ виду стимулировать, ссуды выдаются въ максимальномъ размѣрѣ. Сущность второй изъ названныхъ мѣръ сводится къ тому, что въ тѣхъ районахъ, опять таки, откуда стремятся отвлечь переселенческое движеніе, отводъ земли на обычныхъ надѣльныхъ основаніяхъ прекращенъ; землю въ этихъ районахъ предполагается продавать переселенцамъ въ разсрочку, а впредь до прохожденія составленнаго въ этомъ смыслѣ законопроекта земля сдается въ

12-лѣтнюю аренду, съ обязательствомъ выкупа въ собственность когда будетъ утвержденъ законъ. Какъ и слѣдовало ожидать, объ эти мѣры не возымѣли ожидавшагося руководителями переселенческаго вѣдомства эффекта: переселенцы продолжаютъ бойкотировать лѣсныя и въ особенности таежныя мѣстности, несмотря на повышенныя ссуды, и попрежнему усиленно напираютъ на степныя мѣстности, несмотря на пониженныя ссуды и даже на полное отсутствіе ссудъ: въ мѣстностяхъ, гдѣ ссуды не выдаются вовсе, и сейчасъ водворяется, по свидѣтельству переселенческаго вѣдомства, отъ $^1/_6$ до $^1/_3$ части всѣхъ переселенцевъ.

Итакъ, неудержимая тяга переселенческой массы въ мѣстности степного или полустепного типа и вытекающая отсюда болѣе или менѣе полная „иррелевантность" тѣхъ, можетъ быть, и весьма еще обширныхъ запасовъ лѣсныхъ и въ частности таежныхъ земель, какими еще располагаютъ коренная Сибирь, Приамурье, а также—замѣчу мимоходомъ—и сѣверъ европейской Россіи, что фактъ, его же не прейдеши. Но за не подлежащимъ теперь уже никакому сомнѣнію совершеннымъ заполненіемъ, можетъ быть даже пресыщеніемъ переселенцами, той части относительно очень необширной полосы старой колонизаціи, которая принадлежитъ къ степному или полустепному типу, весь запасъ земель этого типа, или говоря общѣе—весь запасъ земель, могущихъ отвѣчать потребностямъ и хозяйственнымъ привычкамъ главной массы переселенцевъ; или, говоря еще нѣсколько иначе—весь *реальный* колонизаціонный фондъ, на который можно разсчитывать, въ частности черноземной полосы, для устройства переселенцевъ изъ черноземной полосы, эти тѣ земельныя площади, какія еще можно использовать для цѣлей переселенія, въ киргизскомъ краѣ и въ туркестанскихъ областяхъ; временно лишь—но именно только временно, и этотъ запасъ можетъ быть и, конечно, въ ближайшемъ же будущемъ будетъ усиленъ за счетъ того, относительно, уже очень небольшого остатка цѣнныхъ въ колонизаціонномъ отношеніи земель Алтайскаго округа, въ нѣкоторой долѣ, можетъ быть, и Забайкалья, который окажется возможнымъ использовать для цѣлей переселенія за состоявшимся переходомъ въ распоряженіе государства бывшихъ удѣльнаго кабинета.

Повторяю и настаиваю: центръ тяжести вопроса о переселенческомъ земельномъ фондѣ, а слѣдовательно—и о реально—

мыслимой широтѣ переселенческаго движенія,—въ тѣхъ запасахъ земель, на какіе еще можно разсчитывать въ киргизскомъ краѣ, въ туркестанскихъ областяхъ, можетъ быть еще и въ Закавказьѣ О Закавказьѣ, впрочемъ,—думается мнѣ—при сложившейся съ момента революціи политической коньюнктурѣ не приходится и говорить всякія дальнѣйшія попытки вдвигать русскихъ переселенцевъ въ этотъ преизбыточествующій малоземельными туземными элементами край повели бы только къ неисчислимымъ политическимъ осложненіямъ и раздули бы пламя сепаратистскихъ теченій до неугасимаго пожара. Немногимъ лучше дѣло обстоитъ, однако, и съ остальными, только что названными, колонизаціонными районами, гдѣ переселеніе, при самодержавномъ режимѣ, играло роль того городничаго, который свободно входитъ и въ до-нельзя переполненную церковь.

Въ самомъ дѣлѣ. Достаточно взглянуть, опять-таки, на отчетныя карты переселенческаго вѣдомства, чтобы увидѣть, что переселеніе продолжаетъ заполнять (и—какъ мы сейчасъ же дальше увидимъ—переполнять) все ту-же неширокую полосу сѣверныхъ киргизскихъ областей, которая тянется отъ границъ оренбургской и двухъ западно-сибирскихъ губерній на западѣ, примѣрно до 48—50, дальше на востокъ до 50—52° параллели въ этой-же полосѣ продолжаетъ, и сейчасъ, нарѣзываться главная масса переселенческихъ участковъ. Другой, сравнительно ничтожный по своимъ теперешнимъ размѣрамъ и—сейчасъ же скажу—ничтожный и по своей будушей емкости районъ русской колонизаціи располагается на крайнемъ югѣ, въ полосѣ туркестанскихъ предгорій. Огромныя пространства, исчисляемыя милліонами квадратныхъ верстъ и сотнями милліоновъ десятинъ, совершенно лишены русскихъ поселеній; судя по отчетнымъ картамъ, среди этихъ огромныхъ пространствъ степей-пустынь нѣтъ или почти нѣтъ и ожидающихъ заселенія, нарѣзанныхъ переселенческихъ участковъ. Продвигать русскую колонизацію киргизскихъ степей, съ сѣвера, дальше указанныхъ широтъ оказалось невозможнымъ частью въ виду почвенныхъ, главнымъ же образомъ въ виду климатическихъ и въ частности—водныхъ условій. Взглядъ на почвенную карту показываетъ, что южная граница черноземной степи проходитъ, волнистою линіей, по 53—55 параллелямъ; южнѣе этой линіи черноземъ смѣняется каштановыми почвами, которыя, строго по

50-ой параллели, уступаютъ мѣсто комплексу почвъ, которые почвенная карта характеризуетъ какъ „слабо—солонцовыя, солонцеватыя и солонцы", на 45—47 параллели этотъ комплексъ, въ свою очередь, смѣняется почвами „переходными къ сѣроземамъ" и свѣтлыми сѣроземами, въ перемежку съ обширными пространствами песковъ. Рѣзко падаетъ и количество осадковъ: нѣсколько южнѣе Оренбурга—Семипалатинска годовое количество осадковъ падаетъ ниже 300 милл, по линіи, приблизительно, Иргизъ—Тургай—Атбасаръ—Акмолинскъ оно опускается ниже 20 милл.. Земледѣліе подъ дождь уже на сѣверной окраинѣ киргизскихъ степей подвержено немалому риску неурожая отъ засухи; нѣсколько южнѣе, на уровнѣ Атбасара и Акмолинска, оно становится весьма рискованнымъ, еще нѣсколько южнѣе и вовсе невозможнымъ. Сѣроземы и близкія къ сѣроземамъ почвы были-бы вполнѣ пригодны для земледѣлія при условіи искусственнаго орошенія; но водныя условія всей средней и южной части среднеазіатскихъ степей не только, болѣе или менѣе сплошь, исключаютъ возможность ирригаціи, но крайне затрудняютъ, а на обширныхъ пространствахъ дѣлаютъ и вовсе невозможнымъ, снабженіе потенціально-мыслимаго населенія питьевою водой Въ силу такого рода совокупности условій, огромныя пространства киргизскаго края и среднеазіатскихъ степей, какъ я уже сказалъ, абсолютно и внѣ всякаго сомнѣнія непригодны для земледѣльческой колонизаціи. Совершенно иначе обстоитъ дѣло на крайнемъ югѣ, въ полосѣ туркестанскихъ предгорій и частью—по побережьямъ рѣкъ, стекающихъ съ туркестанскаго горнаго массива: здѣсь и осѣдлая колонизація, и земледѣліе, какъ достаточно извѣстно, не только теоретически возможны; въ частности земледѣліе возможно въ двоякомъ видѣ: на предгорныхъ низменностяхъ, при условіи полива въ чрезвычайно интенсивныхъ и высоко доходныхъ формахъ, на такъ называемой „богарѣ", т. е на предгорьяхъ, съ болѣе или менѣе достаточнымъ количествомъ осадковъ,—безъ искусственнаго орошенія, но за то въ гораздо болѣе экстенсивныхъ, болѣе или менѣе исключительно зерновыхъ формахъ; осѣдлая жизнь и земледѣліе, говорю я, не только теоретически возможны, но эти мѣстности издавна заселены осѣдлымъ туземцами, и въ тѣхъ же мѣстностяхъ происходитъ осѣданіе кочевниковъ—киргизъ южной полосы киргизскихъ степей.

Понятно теперь почему русская колонизація вотъ уже три десятка лѣтъ какъ продолжаетъ втискиваться въ сравнительно нешироκую сѣверную полосу киргизскихъ степей, въ послѣднее же время направляется и въ районъ туркестанскихъ предгорій,—но рѣшительно не желаетъ знать обширныхъ пространствъ средней и южной полосы средне-азіатскихъ степей—тѣхъ обширныхъ пространствъ, которымъ, кажется, довольно прочно присвоено названіе „степей-пустынь“ Вотъ почему переселенческому вѣдомству, несмотря на все его желаніе распространить районъ русской колонизаціи возможно дальше на югъ, еще осенью 1911 года пришлось заявить о своемъ рѣшеніи „перевести нарѣзку земель для переселенцевъ“ въ степномъ краѣ „преимущественно въ сѣверные уѣзды и въ лучшія по своимъ хозяйственнымъ условіямъ киргизскія волости“ Вотъ почему—съ присовокупленіемъ еще соображеній общегосударственной политики—правительство въ послѣдніе годы проявляло такой исключительный интересъ къ русской колонизаціи издавна заселенныхъ туземцами туркестанскихъ предгорій и вновь создаваемыхъ въ Туркестанѣ районовъ искусственнаго орошенія.

Но „сѣверные уѣзды и лучшія по своимъ хозяйственнымъ условіямъ киргизскія волости“—это не только область, куда, вотъ уже три десятилѣтія, вливается мощная волна переселенія, но въ то же время и область, гдѣ уже издавна идетъ процессъ осѣданія киргизъ, и на западѣ которой этотъ процессъ сдѣлалъ весьма значительные успѣхи. Нечего ужъ говорить о Туркестанѣ: здѣсь на сравнительно нѣбольшомъ пространствѣ, гдѣ существуетъ искусственное орошеніе, густо сидитъ—какъ уже выше замѣчено—многомилліонное туземное осѣдлое населеніе, а по окраинамъ этого пространства осѣдаютъ и частью уже болѣе или менѣе окончательно осѣли киргизы. И тутъ и тамъ, значитъ русская колонизація рѣзко сталкивается съ насущными интересами и основанными частью на издавнемъ пользованіи, частью на прямомъ законѣ правами туземнаго населенія.

Какъ я уже отмѣчалъ, до 1906 года правительство относилось къ этимъ правамъ и интересамъ чрезвычайно, иногда даже слишкомъ бережно: что касается въ частности, кочевыхъ и полукочевыхъ киргизъ, то правительство всячески избѣгало насильственной ломки; оно стремилось не отнимать у нихъ возможности

продолжать не только вести хозяйство установившагося, кочевого или полукочевого типа, но въ то же самое время развивать послѣднее въ направленіи къ осѣдло-земледѣльческому быту Въ этомъ разсчетѣ было выработаны какъ нормы киргизскаго землепользованія, такъ и правила изъятія „излишковъ" и образованія изъ нихъ переселенческихъ участковъ, причемъ въ основу нормъ были положены данныя о землепользованіи и хозяйствѣ киргизъ, собранныя статистическою экспедиціею подъ руководствомъ Ф. А. Щербины.

Съ 1906 года интересы переселенія начинаютъ играть -какъ мы знаемъ—доминирующую роль, и въ соотвѣтствіи съ этимъ рѣзко измѣняется отношеніе самодержавнаго правительства къ правамъ и интересамъ какъ киргизъ, такъ и туземнаго населенія Туркестана. Предпринимается новое изслѣдованіе и вырабатываются новыя значительно пониженныя нормы киргизскаго землепользованія, благодаря чему количество излишковъ увеличивается, по нѣкоторымъ уѣздамъ, въ 10—15 разъ. Кочевое хозяйство признается „нетерпимымъ". Тѣмъ изъ инородцевъ, которые фактически перешли или изъявятъ готовность перейти къ осѣдлости—а „изъявлять" такую „готовность" приходилось, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, поневолѣ, чтобы не быть окончательно согнанными съ насиженныхъ мѣстъ—признается достаточнымъ отводить „осѣдлые" надѣлы въ одинаковомъ размѣрѣ съ переселенцами, если же кочевники „опредѣленно заявляютъ о своемъ намѣреніи продолжать скотоводческое хозяйство", т. е., другими словами, откажутся сѣсть на осѣдлые надѣлы, то считается излишнимъ „требовать оставленія имъ пахотныхъ земель, пригодныхъ для зернового хозяйства", и напротивъ—предписывается „всѣми мѣрами содѣйствовать" переходу ихъ земель „отъ кочевниковъ къ русскому земледѣльцу". Мало того—предписывается „поощрять", якобы „добровольный" „переходъ еще не осѣвшихъ кочевниковъ изъ земледѣльческихъ районовъ въ скотоводческіе", т. е. другими словами—загонять ихъ въ районы, по почвеннымъ и климатическимъ условіямъ исключающіе возможность развитія земледѣлія, чѣмъ, очевидно, навсегда пресѣкается возможность перехода къ осѣдлому быту. Предпринимая въ небывало широкихъ размѣрахъ оросительныя работы въ Туркестанѣ и, слѣдовательно, имѣя въ виду забрать въ проводимые

каналы остающіеся неиспользованными запасы ирригаціонной воды, самодержавное правительство опредѣленно подчеркиваетъ, что „земли, орошенныя средствами казны“ или концессіонированными ею предпринимателями, „должны быть всецѣло предоставлены для русскаго переселенія“. При послѣдовательномъ проведеніи этого принципа, очевидно, исключается всякая возможность расширенія водопользованія, а слѣдовательно и землепользованія, туземнаго осѣдлаго элемента, среди котораго тоже болѣе чѣмъ достаточно малоземельныхъ элементовъ, а полукочевому населенію края отрѣзывается всякая возможность дальнѣйшаго перехода къ осѣдло-земледѣльческому быту, причемъ, въ то же время, и въ интересахъ не только крестьянскаго переселенія, но и въ цѣляхъ насажденія крупныхъ владѣній и капиталистическихъ, по преимуществу скотоводческихъ хозяйствъ, въ все увеличивающихся размѣрахъ производится изъятіе изъ ихъ пользованія тѣхъ земель, на которыхъ зиждилось ихъ кочевое хозяйство. И если не наиболѣе многозначительно по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, то во всякомъ случаѣ—особо знаменательно по проявившейся въ немъ, хуже чѣмъ просто націоналистической тенденціи было послѣдовавшее въ 1912 году, по непосредственной инціативѣ синода, распоряженіе водворять переселенцевъ въ перемежку съ киргизами, „дабы православные люди, при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, касающихся ихъ хозяйственнаго быта и нуждъ, могли имѣть преимущество передъ инородцами“.

Не удивительно, при такихъ условіяхъ, что отрѣзки земель киргизскаго пользованія подъ переселеніе до 1906 года, не превышавшіе въ годъ 200—300 тыс., въ 1909—1910 г.г. могли быть доведены, погодно, до такихъ цифръ: 709—1461—1807—1650—1788 тыс., и что соотвѣтственно могли быть расширены размѣры водворенія переселенцевъ въ киргизскихъ областяхъ. Послѣ сказаннаго мнѣ нѣтъ надобности подчеркивать, *какою цѣною* покупалась возможность такого усиленнаго вселенія переселенцевъ въ киргизскій край. Едва-ли есть надобность настаивать и на томъ, что теперь, послѣ революціи, когда уже не можетъ быть принципіальной разницы между „бѣлою костью“—„русскими людьми“ и „черною костью“—„халатниками“, какъ охотно называли киргизъ нѣкоторые изъ видныхъ дѣятелей переселенческаго вѣдомства; когда всѣ національности предъявляютъ не только

законныя притязанія на признаніе на равное съ другими достоинство и равное съ другими огражденіе ихъ правъ и интересовъ, но и претензіи на автономность; когда въ такія руководящія центральныя учрежденія, какъ туркестанскій комитетъ, вошли представители киргизъ и другихъ мусульманскихъ народностей, о такомъ систематическомъ, иногда доходившемъ до глумленія, попраніи правъ и интересовъ осѣдлаго населенія Киргизскаго края и Туркестана не можетъ быть и рѣчи. А разъ это такъ, то едва ли будетъ большою ошибкою сказать, что на дальнѣйшей русской колонизаціи этихъ обширныхъ областей или уже приходится, или весьма скоро придется поставить крестъ. Замѣшательства и тренія, можетъ быть весьма серьезныя, вполнѣ возможны. Съ одной стороны, напоръ переселенцевъ въ эти, какъ никакъ, наиболѣе привлекательные для нихъ колонизаціонные районы едва-ли удастся сразу пріостановить; едва ли они такъ сразу измѣнятъ свое отношеніе къ „ордѣ"—отношеніе представителей „господствующей расы", и такъ сразу привыкнутъ уважать права и интересы туземцевъ. Съ другой, киргизское и остальное туземное населеніе Степного края и Туркестана едва ли будетъ, впредь, такъ пассивно относиться къ самовольнымъ вторженіямъ на его земли и ко всякаго рода проявленіемъ переселенческаго натиска. Но тѣмъ необходимѣе для современной, исходящей изъ иныхъ принциповъ, власти безотлагательно занять опредѣленную позицію,—тѣмъ вреднѣе были бы, съ ея стороны, всякія иллюзіи относительно дальнѣйшихъ колонизаціонныхъ возможностей Степного края и Туркестана—этихъ послѣднихъ запасовъ земель, на которые могло бы разсчитывать сколько-нибудь широкое переселеніе изъ черноземной полосы.

Вотъ, значитъ, какъ обстоитъ дѣло съ тѣмъ земельнымъ фондомъ,—съ тѣмъ *реальнымъ* земельнымъ фондомъ, на который можетъ разсчитывать наше переселеніе, а слѣдовательно и съ нашими переселенческими перспективами; въ частности—съ перспективами переселенія изъ черноземной полосы, т. е. какъ разъ изъ тѣхъ частей Европейской Россіи, гдѣ земельный вопросъ стоитъ острѣе всего, гдѣ мѣстные земельные запасы болѣе чѣмъ гдѣ либо, недостаточны для покрытія земельнаго дефицита, и гдѣ поэтому настала бы особенная необходимость въ широ-

комъ развитіи переселенія, какъ условіи сколько-нибудь достаточнаго расширенія крестьянскаго землевладѣнія. О такомъ широкомъ развитіи—какъ, я думаю, послѣ всего сказаннаго ясно—не приходится молчать.

Нельзя однако не остановиться, въ заключеніе, на одной категоріи обстоятельствъ, которая особенно подчеркивается и выдвигается впередъ въ оффиціальныхъ заявленіяхъ переселенческаго вѣдомства. Со времени, въ особенности, поѣздки въ Сибирь покойнаго Столыпина и А. В. Кривошеина переселенческое вѣдомство не перестаетъ на всякіе лады варіировать ту мысль, что „дѣйствительная колонизаціонная емкость въ гораздо большей мѣрѣ опредѣляется условіями хозяйствованія на новыхъ мѣстахъ", чѣмъ качествомъ земель; что „всякое улучшеніе этихъ условій, всякое приближеніе рынковъ сбыта и путей сообщенія увеличиваетъ возможные размѣры вселенія"; что „каждая желѣзнодорожная линія въ мѣстности сравнительно даже болѣе населенной и менѣе плодородной увеличиваетъ притокъ туда переселенцевъ и, измѣняя мѣру и цѣнность земли, открываетъ возможность устройства новыхъ хозяйствъ. Не подлежитъ сомнѣнію и то, что колонизаціонный земельный фондъ можетъ быть значительно расширенъ путемъ меліорацій—осушенія мокрыхъ и болотистыхъ пространствъ, обводненія страдающихъ недостаткомъ питьевой воды, искусственнаго орошенія. Но если, сначала остановиться на обстоятельствахъ первой изъ указанныхъ категорій—на вліяніи сооруженія желѣзнодорожныхъ путей и проложеніи подъѣздныхъ грунтовыхъ дорогъ, вообще мѣръ, приближающихъ колонизаціонный земельный фондъ къ рынкамъ сбыта и непосредственно облегчающихъ проникновеніе переселенцевъ и ихъ товарообмѣнъ, то вліянія ихъ никоимъ образомъ не слѣдуетъ преуменьшать,—но не надо и преувеличивать. Своевременное проложеніе грунтовыхъ дорогъ—конечно, *необходимѣйшее* условіе успѣшности и даже самой возможности заселенія пространствъ, лежащихъ поодаль отъ районовъ старой колонизаціи, и можно только удивляться, какъ переселенческое вѣдомство, подчиняясь вызваннымъ военными обстоятельствами бюджетнымъ соображеніямъ, могло на два года почти совершенно прекратить дорожныя работы въ районахъ новой колонизаціи; это та экономія тришкина кафтана, которую всегда такъ

послѣдовательно проводили наши „финансовыя вѣдомства“ и которой, казалось бы, уже не мѣсто при существованіи представительныхъ учрежденій. Желѣзныя дороги, несомнѣнно, способствуютъ, съ одной стороны, болѣе интенсивной земледѣльческой колонизаціи пригодныхъ для нея, по естественнымъ условіямъ районовъ и интенсификаціи самого земледѣлія; съ другой, онѣ не только стимулируютъ, но прямо-таки создаютъ возможность колонизаціи торгово-промышленнаго, въ частности городского типа, и переселенческое вѣдомство поступало, конечно, вполнѣ правильно, когда, въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ, усиленно работало надъ выработкою и проведеніемъ въ жизнь сѣти желѣзныхъ дорогъ колонизаціоннаго значенія. Но ни грунтовыя дороги, ни проложеніе желѣзнодорожныхъ путей не могутъ сдѣлать пригодными для заселенія такихъ мѣстностей, которыя, по своимъ почвеннымъ, климатическимъ и вообще по своимъ природнымъ условіямъ, не допускаютъ развитія земледѣлія, не могутъ сдѣлать реальнс-годными для заселенія такихъ мѣстностей и такихъ земель, которыя, хоть и удобны съ абстрактно-агрономической точки зрѣнія, но не отвѣчаютъ спросу даннаго переселенческаго контингента; въ частности, ни желѣзныя, ни грунтовыя дороги не сдѣлаютъ годными для земледѣльческой колонизаціи тѣ обширныя пространства степей-пустынь, которыя не могутъ быть брошены, не сдѣлаютъ сибирскую тайгу годною для переселенцевъ изъ черноземной полосы. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого, впрочемъ и безъ того самоочевиднаго положенія, достаточно взглянуть, опять таки, на тѣ же отчетныя карты переселенческаго вѣдомства: вдоль линій Ташкентской и Среднеазіатской желѣзныхъ дорогъ переселенческое вѣдомство даже и не пытается нарѣзывать участковъ подъ заселеніе,—остаются въ сторонѣ отъ нарѣзки участковъ обширныя пространства вдоль Амурской, мѣстами и вдоль сибирской желѣзной дороги. Пути сообщенія, близость къ рынкамъ—резюмирую—*необходимое*, но *не достаточное* условіе успѣшной земледѣльческой колонизаціи.

Съ нѣсколько иной точки зрѣнія приходится подходить къ вопросу о меліораціяхъ, или точнѣе говоря, съ весьма разнообразныхъ точекъ зрѣнія, смотря по характеру самихъ меліорацій Прежде всего, конечно, выступаетъ на сцену вопросъ о ихъ стоимости. Возьмемъ хотя-бы такую простую вещь, какъ такъ назы-

ваемое обводненіе—снабженіе питьевою водою такихъ земельныхъ площадей, которыя, по всей совокупности остальныхъ данныхъ, пригодны для земледѣльческой колонизаціи, но населеніе которыхъ невозможно или сильно затруднено благодаря отсутствію, недостаточности или плохому качеству естественныхъ водныхъ источниковъ. Что можетъ быть очевиднѣе чѣмъ полезность и необходимость такого обводненія, когда оно можетъ быть осуществлено путемъ вырытія простыхъ, не слишкомъ глубокихъ, не дорого стоющихъ колодцевъ, обслуживающихъ болѣе или менѣе значительныя группы переселенцевъ, и слѣдовательно обходится, по разсчету на семью или на душу, въ какія нибудь незначительныя суммы; и слѣдуетъ ли удивляться, если обводненіе этого типа было первымъ видомъ мелиорацій, за которыя взялись вѣдавшія переселеніе учрежденія,—взялись въ такое время, когда даже такая, казалось бы, ужъ безусловно необходимая для успѣха колонизаціи вещь, какъ проложеніе дорогъ, казалась совершенно лишнею роскошью Но разъ въ основу водоснабженія должно быть положено глубокое, въ частности артезіанское буреніе, вообще тѣ или другія дорого стоющія гидротехническія сооруженія, необходимость которыхъ повышаетъ стоимость обводненія, по разсчету на ту или другую единицу, до значительныхъ цифръ, то сейчасъ же выступаютъ впередъ тѣ сомнѣнія относительно цѣлесообразности такихъ затратъ съ точки зрѣнія общей экономіи страны, о которыхъ мнѣ придется говорить нѣсколько ниже, въ болѣе общемъ видѣ И эти сомнѣнія еще усиливаются, если гидротехническія сооруженія, по своей сложности и—если можно такъ выразиться—по тонкости своего оборудованія, требуютъ такого умѣлаго и осторожнаго обхожденія, какого нельзя ожидать при данномъ культурномъ уровнѣ переселенческой массы. И приблизительно то же можно сказать болѣе или менѣе о всякомъ другомъ видѣ мелиорацій: осушка болотъ и мокрыхъ земель несомнѣнно желательна, если можетъ быть осуществлена просто и дешево,—и цѣлесообразность ея становится весьма проблематическою, если она требуетъ сложныхъ и дорого стоющихъ сооруженій, нуждающихся притомъ въ постоянномъ ходѣ и болѣе или менѣе значительныхъ текущихъ затратахъ на ихъ содержаніе въ исправности. Противъ ирригаціи ничего нельзя возразить, если для осуществленія ея требуется провести какія

нибудь канавки, которыя обойдутся нѣсколько рублей на орошаемую десятину, нѣсколько десятковъ рублей на водворяемую душу; и цѣлесообразность ея потребуетъ весьма тщательнаго экономическаго обоснованія, если нужны крупныя, механически оборудованныя сооруженія, которыя обойдутся десятки, а тѣмъ болѣе—сотни рублей на десятину и тысячи рублей на семью водворенныхъ переселенцевъ.

Затѣмъ, приходится считаться съ специфическими свойствами и специфическими возможностями разныхъ видовъ меліорацій. Начнемъ съ одной, на первый взглядъ сравнительво простой и мелкой, которой переселенческое вѣдомство послѣдніе годы посвящало серьезное вниманіе,—съ раскорчевки лѣсныхъ площадей. Прежде всего операція эта не такъ уже проста технически, разъ ее вести не „дѣдовскимъ", бытовымъ способомъ, въ основѣ котораго—разсуждая экономически—лежатъ использованіе, съ одной стороны, дѣйствія извѣстныхъ естественныхъ процессовъ, а съ другой —„пустого времени" піонера-земледѣльца, но который, за то требуетъ долгихъ лѣтъ для полученія соотвѣтственнаго результата,—а такими пріемами, которые въ короткое время превращаютъ лѣсную площадь въ годное для немедленной распашки поле; и переселенческое вѣдомство до сихъ поръ, въ сущности, занималось еще только выработкой максимальной цѣлесообразной техники раскорчевки. Повидимому, въ этомъ отношеніи теперь уже достигнуты болѣе или менѣе удовлетворительные результаты; по крайней мѣрѣ стоимость расчистки, въ первые годы доходившая до 150—200 р. на десятину, въ 1914—1915 г.г. упала до 84 и 72 р. Но, спрашивается, что и при какихъ условіяхъ можетъ дать этотъ видъ меліораціи? Позволяю себѣ думать, что ничего, пока раскорчевка ведется въ такихъ пропорціяхъ какъ сейчасъ, или имъ близкихъ,—когда на 2777 семействъ расчищается 1896 дес., или въ среднемъ на семью около двухъ третей десятины: засѣять двѣ трети десятины—это для переселенческой семьи все равно, что ничего, и семья, получившая такую площадь расчищенной земли, окажется столь же безпомощною въ обоснованіи своего дальнѣйшаго земледѣльческаго хозяйства, какъ если бы она не нашла на отведенномъ ей лѣсномъ участкѣ ни пяди расчищенной земли. Серьезное значеніе раскорчевка могла бы имѣть лишь въ томъ случаѣ, если бы по разсчету на переселенческую семью

раскорчевывалось, средствами казны, по нѣсколько десятинъ—столько, сколько необходимо для перваго посѣва, приблизительно способнаго обезпечить основное продовольствіе переселенческой семьи. Но чего бы это стоило? сразу-же многихъ сотенъ рублей на семью.. Какъ отразилась бы такая порція даровщины на хозяйственной психологіи переселенца, играющей такую громадную роль въ дѣлѣ колонизаціи?.. Очень плохо. Но главное: раскорчевка хотя бы и достаточнаго числа десятинъ не сдѣлаетъ лѣсной, въ частности таежной земли степною или полустепною Общій характеръ мѣстности отъ раскорчевки не измѣнится. Слѣдовательно, раскорчевка, въ лучшемъ случаѣ, облегчитъ заселеніе лѣсныхъ пространствъ тѣми элементами крестьянства, которые и не безъ того болѣе или менѣе охотно идутъ въ лѣса, но ни мало способствуетъ увеличенію того земельнаго фонда, который могъ бы служить для водворенія переселенцевъ господствующаго типа —выходцевъ изъ черноземной полосы.

Это послѣднее соображеніе играетъ рѣшающую роль и въ вопросѣ о цѣлесообразности, въ каждомъ конкретномъ случаѣ, другого основного типа меліорацій – осушка мокрыхъ земель. Если разсуждать абстрактно, то какое же можетъ быть сомнѣніе въ полезности осушки? Осушка вѣдь не только улучшаетъ качество земель, пригодныхъ для распашки, не только расширяетъ, и нерѣдко весьма ощутительно, площадь наиболѣе цѣннаго вида угодій—сѣнокосовъ, и повышаетъ ихъ кормовую цѣнность; она нерѣдко, способствуетъ еще и улучшенію, какъ общихъ климатическихъ, такъ и спеціально-гигіеническихъ условій мѣстности. Но все это нисколько не мѣшаетъ тому, что степень цѣлесообразности осушительныхъ работъ всецѣло зависитъ отъ характера мѣстности. Осушительныя работы въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Барабинская степь на западѣ Сибири, какъ Зейско-Буреинская равнина—такъ называемая „Амурская прерія“, или Ханкайская равнина на Дальнемъ Востокѣ, представляютъ собой одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ, съ конолизаціонной точки зрѣнія, видовъ мелioраціи: названныя мѣстности, по своему общему типу, не только пригодны, но весьма привлекательны для переселенцевъ господствующаго типа; осушительныя работы устраняютъ затрудняющій заселеніе частный недостатокъ мѣстности, расширяютъ (по скольку это допускаютъ почвенныя и т. п условія) и улучшаютъ годную

для сельскохозяйственнаго пользованія площадь—слѣдовательно способствуютъ (или точнѣе—способствовали) увеличенію колонизаціонной емкости какъ разъ такихъ пространствъ, которыя представляютъ, въ колонизаціонномъ отношеніи, наибольшую цѣнность. Поскольку осушительныя работы ведутся или проектируются въ сколько нибудь крупномъ масштабѣ въ лѣсныхъ, въ частности въ таежныхъ районахъ, ихъ едва-ли можно признать сколько нибудь цѣлесообразными: онѣ способствуютъ увеличенію колонизаціонной емкости такихъ земель, которыя и безъ того имѣются въ избыткѣ, и которыя, въ данныхъ конкретныхъ условіяхъ, не имѣютъ существеннаго значенія для переселенія.

Опять иное приходится сказать объ искусственномъ орошеніи Вопросъ объ ирригаціонныхъ сооруженіяхъ возникаетъ—сколько мнѣ извѣстно—исключительно для такихъ, какъ разъ, мѣстностей, куда переселенцы господствующаго типа идутъ (или шли бы!) особенно охотно: Туркестана южной и средней полосы киргизскихъ степей, степныхъ мѣстностей южной Сибири и Забайкалья и т. п. Съ *этой* точки зрѣнія, значитъ, о цѣлесообразности оросительныхъ сооруженій не можетъ быть вопроса. Не подлежитъ сомнѣнію—въ общемъ видѣ—техническая ихъ полезность. Вопросъ объ обще-экономической ихъ цѣлесообразности разрѣшается, конечно, особо для каждаго конкретнаго случая, смотря по стоимости ирригаціонныхъ работъ и по предвидимой доходности имѣющихъ быть орошенными земель, которая, въ свою, очередь, зависитъ отъ общей экономической обстановки мѣстности и въ частности—отъ большей или меньшей интенсивности и вообще отъ типа ведущагося или могущаго вестись въ данной мѣстности хозяйства. Но пусть и этотъ вопросъ, для даннаго конкретнаго случая, разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Изъ этого еще не вытекаетъ цѣлесообразность ирригаціи *для переселенческихъ цѣлей* или, поворачивая вопросъ, отвода орошаемыхъ земель *переселенцамъ*. Возьмемъ наилучшій, съ обще-экономической точки зрѣнія, случай—орошеніе въ Туркестанѣ. О выгодности его, о государственномъ значеніи развитія ирригаціонной сѣти въ Туркестанѣ не приходится и говорить, хотя бы въ виду громадной важности туркестанскаго хлопка для нашего народнаго хозяйства. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что на орошаемыя или имѣющія быть орошенными земли слѣдуетъ сажать переселенцевъ?

Не цѣлесообразнѣе ли, не выгоднѣе ли, передавать ихъ, на тѣхъ или другихъ основаніяхъ, туземному населенію (говоря уже о подчеркнутыхъ выше соображеніяхъ справедливости и политической цѣлесообразности)? Туркестанскіе туземцы—прирожденные ирригаторы; они вѣками воспитаны въ навыкахъ такого интенсивнаго плодосмѣннаго хозяйства, при какомъ только и могутъ окупиться дорого стоющія ирригаціонныя работы; а за послѣдніе годы они достаточно доказали и свое умѣніе приспособляться къ улучшенной техникѣ и къ повышеннымъ техническимъ требованіямъ того-же хлопководства. Русскіе переселенцы очень плохо приспособляются даже просто къ техникѣ полива и чрезвычайно охотно производятъ поливъ руками наемныхъ туземцевъ; этотъ фактъ подтверждается всѣми имѣющимися наблюденіями—но лучшимъ, можетъ быть, подтвержденіемъ его является предположеніе переселенческаго вѣдомства создать особый персоналъ инструкторовъ по орошенію,—предположеніе, прямо мотивируемое обнаруживаемымъ переселенцами „полнѣйшимъ неумѣніемъ въ пользованіи оросительными сооруженіями и незнаніемъ самой техники полива". И еще труднѣе имъ приспособиться къ тѣмъ интенсивнымъ и сложнымъ способамъ веденія хозяйства, при которыхъ, повторяю, только и могутъ окупиться расходы на оросительныя сооруженія,—при которыхъ эти послѣднія только и могутъ принести народному хозяйству всю необходимую и возможную пользу. Для этого нужно *полное хозяйственное перевоспитаніе*,—*гораздо* болѣе серьезное перевоспитаніе, чѣмъ необходимо было бы для того, чтобы сдѣлать у себя на родинѣ, въ знакомыхъ и привычныхъ условіяхъ, тотъ ближайшій шагъ по пути интенсификаціи хозяйства, который устранилъ бы испытываемое крестьянами ощущеніе „тѣсноты", малоземелья. Не удивительно, что переселенцы и на поливныхъ земляхъ Туркестана всячески стремятся продолжать вести все то-же широкое, экстенсивное зерновое хозяйство, на какомъ они воспитывались у себя на родинѣ. Но *такое* хозяйство, на орошаемыхъ земляхъ Туркестана, является непозволительною растратою и богатыхъ природныхъ данныхъ края, и тѣхъ огромныхъ суммъ, какихъ требуетъ осуществленіе оросительныхъ сооруженій. И, что всего хуже, при относительно огромныхъ надѣлахъ переселенцевъ такое хозяйство не обезпечиваетъ имъ и того прочнаго благосостоянія, какое, при

иномъ хозяйствѣ могло бы обезпечить имъ искусственное орошеніе.

Сказанное только что приводитъ насъ къ соображеніямъ болѣе общаго характера. Прежде всего нельзя не подчеркнуть *количественную ограниченность* возможныхъ и практически-полезныхъ, съ колонизаціонной точки зрѣнія, меліорацій. Возможность искусственнаго орошенія ограничивается наличностью еще неиспользованной и могущей быть использованною для этой цѣли воды и измѣряется, въ лучшемъ случаѣ, и даже забывая о существованіи мѣстнаго населенія и о его правахъ и интересахъ, не десятками милліоновъ, а милліонами десятинъ, слѣдовательно, при высокихъ нормахъ надѣленія переселенцевъ, не милліонами, а сотнями тысячъ душъ максимально-возможнаго вселенія. Абстрактно, технически мыслимые размѣры осушительныхъ работъ, можетъ быть, гораздо больше, но они, во всякомъ случаѣ, не больше, а за уже произведенными осушками вѣроятно *много* меньше, если считаться съ указанными выше соображеніями относительно весьма условной и ограниченной *цѣлесообразности* осушительныхъ предпріятій, собственно съ колонизаціонной точки зрѣнія. Но главное—это вотъ что: вѣдь и осушка, и особенно ирригація, стоятъ очень дорого. Между тѣмъ за тѣ же деньги—какъ неожиданно-справедливо замѣчаютъ оффиціозные „Вопросы колонизаціи" (статья г. Клягина)—можно превратить въ культурное состояніе, гораздо скорѣе и относительно дешевле, громадныя площади въ самой Европейской Россіи, а слѣдовательно получится громадная экономія въ тѣхъ суммахъ, которыя тратятъ теперь переселенцы на переѣздъ, водвореніе и обзаведеніе въ новомъ для нихъ краѣ. Можно, даже слѣдуетъ, пойти и дальше, и сказать себѣ, что тѣ громадныя суммы и ту громадную работу, которыя нужно было бы затратить на широко поставленныя меліоративныя работы въ районахъ новой колонизаціи, было бы гораздо цѣлесообразнѣе и гораздо производительнѣе затрачивать на повышеніе техники и экономики крестьянскаго хозяйства на мѣстахъ жительства тѣхъ, кто стремится къ переселенію, какъ одному изъ выходовъ изъ земельной нужды. При этомъ прежде всего устранился бы тотъ, всегда очень большой, непосредственный рискъ, которому подвергается каждый переселенецъ, благодаря всегда возможнымъ неблагопріятнымъ случайностямъ въ

моментахъ переселенія, водворенія и первоначальнаго обзаведенія, когда его хозяйство особенно чувствительно ко всякаго рода случайностямъ. Но главное: затрачивая средства на улучшеніе техники и экономики крестьянскаго хозяйства на мѣстахъ, государство и общество направляли бы свои усилія къ достиженію *длящагося, прочнаго* результата: *серьезный качественный подъемъ крестьянскаго хозяйства со ступени „истощающаго" или „сохраняющаго" на ступень „развивающаго" производительныя силы земли надолго, если не на всегда устранилъ кризисъ.* Переселеніе въ многоземельныя окраины съ болѣе экстенстивнымъ, нерѣдко чистохищническимъ хозяйствомъ является по существу не *прогрессивнымъ*, а *регрессивнымъ* шагомъ. *Экстенсивное, хищническое хозяйство и на новыхъ мѣстахъ неизбѣжно приводитъ переселенца къ кризису,* нерѣдко весьма скорому, и, такимъ образомъ, *переселеніе* для самого переселяющагося *есть не окончательное разрѣшеніе, а только отсрочка или точнѣе—разсрочка переживаемаго кризиса.*

Вотъ, значитъ, какъ обстоитъ дѣло съ земельнымъ колонизаціоннымъ фондомъ въ зауральскихъ областяхъ Россіи. Фондъ этотъ—*реальный* колонизаціонный фондъ, съ которымъ можетъ и должна считаться *реальная* переселенческая, а слѣдовательно и вообще реальная аграрная политика, очень невеликъ, даже въ абсолютныхъ величинахъ, и окончательно ничтоженъ, по сравненію съ необъятными пространствами Сибири и среднеазіатскихъ степей.

Но и этого мало. Нельзя не считаться и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что заселеніе этого, въ общей суммѣ, небольшого и въ то же время, пространственно, до послѣдней степени разбросаннаго земельнаго фонда не можетъ послѣдовать разомъ, единовременно. Прежде всего, совершенно неизбѣжно, на нѣкоторый рядъ лѣтъ должна растянуться даже такая сравнительно простая вещь, какъ окончательное установленіе площадей, могущихъ быть обращеными подъ переселеніе, и нарѣзка ихъ въ переселенческіе участки Было-бы совершенною утопіею думать, что, бросивъ во всѣ колонизаціонные районы армію межевыхъ и землеустроительныхъ силъ, было-бы возможно разомъ, скажемъ въ годъ или два, покончить съ этимъ дѣломъ. Неизбѣжно, на нѣкоторый рядъ лѣтъ должны растянуться такія вспомогательныя къ нарѣзкѣ земель

подъ заселеніемъ работы, какъ проложеніе дорогъ, обводненіе безводныхъ и маловодныхъ площадей, осушка мокрыхъ и болотистыхъ земель, тѣмъ болѣе какъ ирригаціонныя сооруженія, работы, безъ одновременнаго выполненія которыхъ нарѣзка земель подъ заселеніе по отношенію къ значительной долѣ могущихъ быть использованными для цѣлей переселенія площадей была бы и вовсе невозможна, по отношенію къ другой, еще болѣе значительной, повела бы лишь къ образованію „мертваго фонда", числящагося по спискамъ и отчетнымъ даннымъ, но лишеннаго, до времени, реальнаго колонизаціоннаго значенія. Это все—съ одной стороны. Допустимъ, съ другой, что реальный переселенческій земельный фондъ можетъ принять столько-то (сколько—я, по крайней мѣрѣ, не рѣшаюсь гадать; во всякомъ случаѣ очень немного) милліоновъ переселенческихъ „душъ". Совершенно очевидно, что такая масса переселенцевъ не могла бы быть разомъ въ годъ или въ два, передвинута за Уралъ, въ районы новаго водворенія: такое „переселеніе народовъ" породило бы и непреодолимыя, особенно при современномъ, едва ли скоро устранимомъ, разстройствѣ транспорта, затрудненія въ моментѣ собственно передвиженія, и безчисленныя замѣшательства въ фазисѣ зачисленія и отвода земли,—главное—создало бы въ высшей степени невыгодную для переселяющихся, можетъ быть даже прямо угрожающую, экономическую конъюнктуру Для того, чтобы первоначально обзаведеніе переселенцевъ и обоснованіе ихъ хозяйства шло нормально и давало прочные результаты, даже при наилучшихъ условіяхъ, необходима извѣстная постепенность, чтобы каждое послѣдующее населеніе переселенцевъ находило нѣкоторую экономическую опору въ предыдущемъ слоѣ ранѣе осѣвшихъ и уже болѣе или менѣе окрѣпшихъ переселенцевъ

А если все это такъ,—а это *несомненно* такъ,—то ясно, что использованіе того, еще разъ повторяю, весьма незначительнаго—и по сравненію съ колоссальными общими цифрами пространства нашихъ зауральскихъ областей, и по сравненію съ уже наличнымъ и предвидимымъ спросомъ на землю,—земельнаго фонда, который реально можетъ быть обращенъ подъ переселеніе, а слѣдовательно и выселеніе за Уралъ соотвѣтственнаго числа крестьянъ, нуждающихся въ расширеніи ихъ землевладѣнія, должно растянуться на нѣкоторый, болѣе или менѣе значи-

тельный рядъ лѣтъ и, значитъ, въ каждый изъ ближайшихъ годовъ можно будетъ обратить подъ заселеніе лишь совсѣмъ уже небольшія площади—едва ли больше и, скорѣе всего, меньше тѣхъ ста тысячъ душевыхъ долей, которыя переселенческое вѣдомство нарѣзало подъ участки въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, и переселять лишь соотвѣтственное ничтожное число крестьянъ или точнѣе— *менѣе* чѣмъ соотвѣтственное число, потому что нѣкоторую часть вновь нарѣзаемаго земельнаго фонда придется отвести уже сидящимъ въ мѣстахъ новаго поселенія, но еще не получившихъ земли переселенцевъ.

Но развѣ переселеніе изъ года въ годъ, хотя бы и въ теченіе еще многихъ лѣтъ, какой-нибудь сотни тысячъ переселенческихъ „душъ" можетъ сыграть какую либо роль въ дѣлѣ расширенія крестьянскаго землевладѣнія,—въ дѣлѣ расширенія его въ такомъ масштабѣ, при которомъ оно только и могло бы, хоть въ ограниченной степени, претендовать на названіе „аграрной реформы"? Ясно, что нѣтъ. Переселеніе въ *такихъ* размѣрахъ „можетъ, пожалуй, имѣть серьезное значеніе для отдѣльныхъ группъ населенія, для отдѣльныхъ мѣстностей, откуда выселится разомъ значительная часть населенія. Но въ общей аграрной программѣ оно способно играть лишь третьестепенную роль и не можетъ ни на одинъ моментъ отсрочить необходимость въ болѣе коренныхъ мѣрахъ къ улучшенію и подъему крестьянскаго хозяйства". Такъ заканчивалъ я, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, мой докладъ аграрному совѣщанію и я не имѣю измѣнить ни одной буквы въ этомъ заключеніи. И могу закончить лишь самымъ настоятельнымъ предостереженіемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ: *ни въ какомъ случаѣ не поддаваться вполнѣ естественнымъ, въ такіе острые моменты, мечтамъ о новомъ расширеніи переселенія. Это были бы не только праздныя, но и вредныя мечты.*

А. Кауфманъ.